

Он схватил меня и поднял на руки, я не мог двигаться и был вынужден позволить ему делать всё, что он захочет.

Мо Гань странно рассмеялся и положил меня на каменное ложе в центре магического круга. Он начал ходить вокруг меня, его холодный взгляд, словно змеиный, скользил по моему телу.

Я почувствовал сильный дискомфорт, а он, тем временем, продолжал восхищаться мной:

— Какое произведение искусства! Марионетка, обладающая таким интеллектом, таким уровнем мастерства и даже пробудившимися чувствами.

— Великий Питянь действительно способен творить чудеса, даже его кости превратились в человека с душой бессмертного.

— Жаль, что скоро ты станешь сосудом для злых духов. Как же будет страдать великий Питянь, увидев это.

...

Ранее, из обрывков разговоров Мо Ганя, Цин Ту и Хуа Лю, я догадался о своём происхождении. Я думал, что я, вероятно, просто марионетка, созданная хозяином от скуки, но теперь окончательно убедился, что я — часть тела моего хозяина. Возможно, хозяин, находясь в одиночестве у Пруда Молний, создал меня из части себя.

Почему Мо Гань внезапно заговорил о хозяине? Неужели он хочет использовать меня против него?

Мо Гань — всего лишь смертный, как он может обладать такой могущественной силой?

Я попытался сопротивляться.

— Сейчас уже поздно сожалеть. Как бы ты ни сопротивлялся, никто тебе не поможет. Если бы ты оставался обычной марионеткой, ты был бы невероятно прочен, но теперь, когда у тебя есть чувства, у тебя появились слабости. Ты изранен, твоя энергия истощена. Сбежать из этого каменного круга будет труднее, чем взойти на небеса.

Я не могу стать оружием в руках других против хозяина!

— Не переживай, я подарю тебе совершенное тело. Ты станешь самой прекрасной марионеткой в Трёх мирах.

Он взял маленький нож и начал сдирать с меня кожу. Я слышал, как лезвие скользит по коже. Звук был едва слышен, словно поток ледяной воды струился по телу. Сначала было онемение и боль, как будто тысячи муравьёв кусали меня.

На местах, где кожа была содрана, не было ни капли крови. Но моё тело словно разрывалось на части, как будто его переехала телега.

Я не мог сдержаться и хотел закричать.

Но Мо Гань наложил на меня заклятие молчания. Я не мог громко кричать, но он, с садистским удовольствием, позволил мне издавать лишь слабые звуки. Из моего горла вырывались лишь хриплые рычания, похожие на звериные.

Он специально издевался надо мной. Содрал с меня кожу, он начал критиковать:

— Великий Питянь был слишком небрежен. Почему он не дал тебе пола? Ни мужчина, ни женщина — это просто отвратительно.

— Сделать ли тебя мужчиной? Или женщиной? Это сложный выбор.

— Ладно, пока отложим кожу в сторону. Я подумаю об этом позже.

— О, ты ведь не видишь, да? Я собираюсь превратить тебя в идеальное произведение искусства. Как же оно может быть без зрителей?

Он создал передо мной огромное бронзовое зеркало, в котором отражалось моё искажённое лицо. Вся кожа с моего тела была содрана и брошена в сторону, обнажая красную плоть и переплетение сосудов, по которым медленно текла кровь.

Мои глаза вылезли из орбит, зрачки покрылись зелёными прожилками. Я превратился в кровавого, ободранного монстра.

Мо Гань, держа нож, скользил им по текстуре моей кожи. В его глазах светилось злорадство:

— Мне пришла в голову забавная идея. Ты влюблён в демонического владыку, но я не сделаю тебя женщиной. Я превращу тебя в красивого юношу, чтобы вы никогда не могли быть вместе открыто. Даже если он однажды полюбит тебя, мир никогда не примет вас.

— Зачем ты на меня так смотришь? Я же не обманул тебя. Ты хотел красоты, и я дал её тебе.

Он смеялся, и его смех был полон безумия и жестокости.

Я ненавижу его всем сердцем. Кровь в моих венах закипела, сосуды начали скручиваться.

— Не волнуйся! Не волнуйся! Если ты так будешь продолжать, я могу ошибиться с ножом, и это будет не моя вина.

— Ой, я ошибся. Неважно, станешь ли ты мужчиной или женщиной. Вы никогда не сможете полюбить друг друга, потому что, когда я закончу переделывать твоё тело, ты станешь настоящей марионеткой, оружием убийства. Тогда ты потеряешь разум, забудешь о любви.

— Не злись, не злись! Забыть о любви — это избавиться от страданий.

— Ты должен благодарить меня. Я дал тебе новую жизнь!

В огромном зеркале отражалось моё ужасное лицо, глаза полны ненависти.

Я был вынужден подчиняться Мо Ганю, он с наслаждением наблюдал за каждой моей эмоцией.

— А теперь начнём менять лицо!

Его голос был полон радости, он водил ножом по моему лицу, лезвие мелькало перед моими глазами.

Я закрыл глаза, не желая больше видеть.

— Смотри!

Он разрезал мою щеку, двигаясь очень медленно.

Нож мелькал перед моими глазами, и я был вынужден открыть их.

Он замедлил свои движения, с наслаждением наблюдая за моей реакцией.

Кожа с моего лица медленно снималась, как кожура с морщинистого плода.

Я думал, что после того, как с меня содрали всю кожу, снятие кожи с лица не будет таким болезненным. Но я ошибался. Боль была невыносимой, словно моё лицо терли о наждак или варили в масле. Боль пронзала всё моё тело, сжимая внутренности.

Мои глаза налились слезами, но я не хотел показывать свою слабость перед этим извращенцем. Любой гнев или боль только радовали этого дьявола.

Я взял себя в руки, мои глаза стали спокойными, я смотрел на него без эмоций, представляя себя безжизненным трупом.

Моё поведение разозлило Мо Ганя. После того, как он снял кожу с моего лица, он начал вырезать новое, но его движения стали более резкими.

— Проси пощады!

— Проси пощады!

Я с иронией посмотрел на него.

Он рассмеялся от злости:

— Такой терпеливый? Посмотрим, как долго ты сможешь держаться!

Мо Гань, словно развлекаясь, то легко, то сильно нажимал ножом, вырезая моё лицо. Я слышал, как лезвие скребёт по кости, ощущал холодный ветер, дувший из неё.

Моё тело начало слегка двигаться. Боль от ножа была такой, словно я лежал голым на острых шипах. Я корчился от боли, из горла вырывались хриплые звуки. От боли я сжимал каменное ложе, мои окровавленные пальцы оставляли следы крови. Постепенно кровь начала сочиться из ног, груди, лица и всего тела.

С моей головы также содрали кожу, она лежала в луже крови, волосы, пропитанные кровью, выглядели как красные водоросли.

Огромное бронзовое зеркало стояло передо мной, и я видел весь процесс сдирания кожи. В зеркале я лежал на чёрном каменном ложе, кровь заливала его и стекала на пол. В луже крови я выглядел как яркая, но жуткая картина.

Я смотрел на свою окровавленную плоть, на слабо виднеющиеся кости.

Впервые я почувствовал сожаление. Если любовь в этом мире превращает людей в безжизненных существ, лишая их самих себя, то какой в ней смысл? Даже если я обрету идеальную внешность, я больше не буду собой. Даже если Цин Ту полюбит нового меня, разве это будет настоящая любовь?

Любовь должна быть к внешности и к душе.

Боль притупилась, мои мысли блуждали.

В каменной комнате не было света, только две лампы с длинными хвостами. Я мог судить о течении времени только по звуку капающей крови.

Капли пота падали с лица Мо Ганя. Его лицо было бледным, но губы и щёки неестественно покраснели. В свете ламп его холодные глаза сверкали тёмно-синим светом.

— Ха-ха! Наконец-то готово! Это шедевр!

— Какой красивый юноша! Добавь чуть больше — и он будет слишком полным, чуть меньше — слишком худым. Если нанести румяна, он станет слишком женственным, если пудру — потеряет юношескую свежесть. Он грациозен, изящен и прекрасен.

Он погладил мою щеку, в его глазах были возбуждение, восторг, безумие и желание обладания. Он бормотал, словно в трансе:

— Мо Ли, ты вернулся!

— Теперь ты никогда не покинешь брата!

— Ты не будешь болеть, не умрёшь!

— Ты будешь с братом навсегда! Брат сделает тебе игрушки, хорошо?

— Мо Ли — самый красивый кукла, никто не сможет тебя забрать. Кто попытается, я убью его.

— Мо Ли, Мо Ли, брат любит тебя...

<http://bllate.org/book/15420/1372302>